

ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ, ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ МОТИВЫ В ПОВЕСТИ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА «ЕСИР»

© Анастасия Николаевна СИВОПЛЯСОВА

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация, аспирант, кафедра литературы
и методики ее преподавания, e-mail: anastasya.shvedova@yandex.ru

В контексте религиозно-философских представлений рассматривается отражение этнокультурных мотивов в повести Велимира Хлебникова «Есир», в которой поэт по-новому открыл природу азиатских окраин России, мусульманского и буддистского Востока. Выявляется проблематика повести: особо важное место занимает тема межнациональных отношений, которая является актуальной и на сегодняшний день. История человечества, культура и язык народов, мифология и фольклор становятся источником вдохновения Хлебникова-прозаика. Отсюда многочисленные исторические аллюзии, которые помогают писателю раздвинуть пространственные и временные границы повествования. Прослеживается натурфилософская концепция автора, интересовавшегося экологическими проблемами, вопросами разумного хозяйствования человека на земле, защиты природы, окружающей среды. Рассматриваются женские образы, к которым автор обращается с целью подчеркнуть национальный колорит Востока и Запада. Отмечается, что своим интересом к миру Востока писатель предвосхитил многие вопросы философско-политического движения евразийства, сторонники которого видели Россию как синтез Европы и Азии.

Ключевые слова: свобода; рабство; Восток; Астрахань; истина; религия; евразийство.

Повесть В. Хлебникова «Есир» (1918–1919) – сравнительно небольшое по объему и, тем не менее, развернутое эпическое повествование о важном периоде в жизни Истома, сына рыбака, обитавшего вместе с отцом «на полудиком острове Кулалы», где-то в приастраханских заливах, на севере Каспия. Название повести «Есир», т. е. «невольник», «раб», акцентирует исключительную ситуацию в жизни рыбака, ведущего свободный образ жизни.

Созданное посредством монтажа восточных и славянских мифологических традиций повествование образует сложное единство необычного сюжета с множеством пробелов, недоговоренностей, сдержанной экспрессии, свойственной прозе поэта, певца «мыслезема», убежденного в том, что «лучшая книга – белые страницы – книга природы, среди облаков...» [1, с. 199]. Главный герой повести, астраханский рыбак Истома, чудным промыслом судьбы (попав в рабство) смог побывать на Кавказе, в Персии, в Индии и на Яве. География путешествия героя связана с «Хождением за три моря» Афанасия Никитина. Структура повести напоминает дневниковую запись путешественника, что также возвращает читателя к древнерусскому произведению. Жанровое обозначение данного произведения – «повесть» условно, но объяснимо. «Есир» по объему не отличается, например, от рассказа Хлебникова «Малино-

вая шашка», но, как верно заметил Р.В. Дуганов, «не объем, а конструктивное соотношение планов и смысловая напряженность сюжета определяют масштаб восприятия» [2, с. 304]. Масштаб этот огромен: в судьбе Истома, который только в Индии провел пять лет, прослеживаются искания самого Хлебникова, даже больше, «образ исканий человеческого духа вообще» [2, с. 316], и, учитывая те трудности, которые переживает герой, можно говорить об образе внутренних душевных испытаний человека, вставшего на путь поиска Истины. Характерно, что автор не заостряет внимание на физических или духовных страданиях молодого невольника.

Повесть открывает для читателя важные мысли и идеи самого В. Хлебникова: оппозиции свободы и рабства, жизни и смерти, добра и зла находят своеобразное объяснение в восточных религиях, которыми увлекался поэт. Исследователь Г.Г. Исаев утверждает, что в «Есире» «религиозные грезы разных народов даны Хлебниковым именно как грезы, не приводящие человека к истине» [3, с. 173]. Но задача писателя заключалась не в том, чтобы в этом произведении дать готовые ответы на вечные вопросы. Хлебников пытался творчески отразить свой поиск истины и обозначил ряд вопросов, которые особенно волновали его.

К данной повести обращались различные исследователи творчества Велимира Хлеб-

никова: не только литературоведы, но и историки. Р.В. Дуганов представляет эту повесть «в виде какой-то картины, передние планы которой – остров Кулалы, где жил Истома, Астрахань, охваченная славой Разина <...> – написаны крупно, с множеством ярких и выпуклых подробностей. А дальше, на вторых и третьих планах, с перемещением действия на Кавказ, в Персию, в Индию и на Яву, куда увлекает судьба Истома, пространство и время словно сжимаются, фигуры уменьшаются, теряя в подробностях и яркости освещения, превращаясь в призрачные тени» [2, с. 314]. На наш взгляд, «подробности» восточной жизни в повести на редкость выразительны, наполнены емким содержанием.

Н.Я. Берковский, исследуя эту повесть, обратил внимание на «животный эпос» Хлебникова, рассмотрел роль животного мира в творчестве поэта как мир «стихий» [2, с. 151]. Действительно, животный мир в повести выполняет важную функцию, раскрывая философский смысл единства не только всего человечества, но и соприродного единства, неразрывной связи человека и природы. Книга природы, по мысли автора, является лучшей.

Продолжатель идей Велимира Хлебникова, историк, журналист-международник, исследователь «русского индуизма» Жан Кацер в одной из своих статей «Опыт толерантности в российско-индийских отношениях XVII–XIX вв.» назвал автора «Есира» одним из первых, кто обратился к теме сохранения мира на земле, гуманности, свободы человека [4].

Как уже сказано, есир (ясыр) в переводе с арабского – невольник, раб. Известно, что источником сюжета хлебниковской повести послужила брошюра А.Н. Штылько «Из истории астраханской торговли» или его сообщение «Ясырь (живой товар)». Эта тема не могла не взволновать свободолюбивого Хлебникова. Чувство свободы, не естественной и безотчетной (до плена героя), а осознанной (после побега) трансформируется, перерастает во внутренние поиски себя: «Будь сам, самим собой, через самого себя, углубляйся в самого себя, озаряемый умным светом» [1, с. 198]. Так поиск свободы в повести перерождается в поиск Истины, обретения философии жизни.

Герой повести наделен именем Истома. Это имя вызывает ряд ассоциаций: крайняя усталость, томление, изнеможение. Р.В. Дуганов верно отмечает, что имя собственное

превращается в метафорическое, изображая душевное состояние героя [2, с. 314]. Хлебников не случайно обращается к мятежной эпохе XVII в., эпохе ушкуйника Степана Разина, очевидно, чтобы провести параллель со временем, в котором жил сам поэт. «Повесть Хлебников писал в Астрахани, на переломе 1918–1919 гг., «когда дух свободы», как и во времена Разина, «пылал над всем миром» [2, с. 315]. В России в это время шла Гражданская война. К концу подходит Первая мировая война, в эти же годы происходит революция в Германии. Герой народных песен, донской казак, предводитель крупнейшего восстания видится Хлебникову неким символом русской свободы, сопряженный с разгулом анархии. По словам Дуганова, Хлебников в «Досках Судьбы» строил «уравнение роста русской свободы, подымающейся цветком из головы Разина» [2, с. 315].

Астрахань – один из первых городов, захваченных Разиным. Вместе с тем этот город – центр торговли, место встречи различных цивилизаций, народов, религий. Д. Святтополк-Мирский справедливо охарактеризовал Астрахань как «узел России, Турана и Ирана, самый голый и онтологический из русских городов, караван-сарай, окруженный стихиями – пустыней и водой. Астрахань – один из ключей к Хлебникову...» [5, с. 226]. На одной пространственной площадке перед читателем предстают «живописные женщины Востока», «вольные сыны Дона в драгоценных венках», «черноглазые казачки», «татарки в черных покрывалах», «степные женщины» [1, с. 188]. Хлебников с любовью и вниманием описывает многонациональное население Астрахани. Такие картины под пером автора, безусловно, утверждают идеи дружбы и взаимопонимания народов, их самобытности. Здесь реально восторжествовало единение людей, мирное сосуществование различных культур, религий, мировоззрений.

Особое место в произведении занимает тема межнациональных отношений. Русские-поморы, казаки, индусы, китайцы, киргизы, калмыки, татары, поляки встречаются Истома на пути всего повествования. На фоне пестрого многонационального города автор вводит колоритное описание русского жилища старообрядца, старика-помора, к которому попадают ловцы. Как видим, мотив русского церковного раскола, волновавший писателя, заявлен и здесь: «старик-помор встретил их на пороге своей землянки, обне-

сенной забором из соломы и грязи. Так, спасаясь от зноя и пожаров, жили русские того времени.

Когда они (Истома и его отец. – А. С.) спустились по ступенькам вниз, от темноты они ничего не могли некоторое время увидеть, но потом заметили земляные лавки, покрытые восточными коврами, и несколько тяжелых кубков на столе» [1, с. 188]. Аскетическое на фоне яркого пестрого города убранство жилища помора, отвергающего прозападные реформы Никона, украшено произведениями восточного искусства – символическая деталь, свидетельство возможной близости или приятия религиозным ортодоксом чувства красоты, свойственной людям Востока.

Характерно, что в этой русской избе «в красном углу сидел гость – индус» [1, с. 189], который рассказывал недавно привезенные новости из Индии. Так автор раздвигает пространственные и временные рамки повествования, позволяя увидеть картины жизни других народов. Индус говорит о своей родине, о реальных исторических событиях и деятелях того времени, о религиозных расколах и войнах. Гневны и печальны его воспоминания о Китае, где «бедняк за полтинник, врученный его семье, соглашается идти на казнь вместо другого и кладет на доску свою морщинистую шею и покрытую седой косой голову», где «нельзя найти земли величиной с ладонь, которая бы не была покрыта колосьями», где «человек возделывает такие неприступные высоты, что, казалось, у него должны были бы быть крылья, чтобы залететь туда, а собирая морскую капусту, человек приступает к возделыванию пространств моря» [1, с. 189]. В очередной раз удивляет способность Хлебникова-прозаика в нескольких словах так охарактеризовать самобытность многомиллионного народа, его стойкую борьбу за право жить себе подобным, его пренебрежение к смерти, которая ничто в сравнении с тяготами жизни. При этом вызвать у читателя искреннее сочувствие к китайскому народу.

Встреча рыбака с индусом вскоре на рынке помогает автору затронуть новые темы, ввести мотив сострадания восточного человека в эпизоде, когда он спасает плененного лебедя из рук пирующих казаков, участников восстания. Прибегая к стилизации казачьей речи, Хлебников целенаправленно отбирает различные пословицы, поговорки,

фразеологизмы, которые раскрывают психологию повстанцев, их мудрость, склонность к дружбе, коллективизму и вместе с тем доминанту физического, материального в их сознании:

«–Друг, иди сюда! Тяжко мясу без мяса! Тяжко другу без друга, как соловью без луга», «На, пей! Веселись душа!»; «Слушай: видела жаба, как коня куют, протянула и свою ногу: «Куй, кузнец!»; «Э! Рыбу водой не поят. Дыня или тыква?» [1, с. 190]. К подобной фольклоризации писатель прибегает в рассказе «Закаленное сердце», где сербские пословицы и поговорки служат важным средством раскрытия нравственного мира западных славян, их непримиримого отношения к турецким завоевателям.

Фрагмент с освобождением лебедя индусом истолковали многие велимироведы. По мнению А. Парниса, этот эпизод следует рассматривать как художественное преломление «джайнской традиции», в которой «существует учение о переселении душ, но в индийской мифологии, уточнил исследователь, нет обряда отпускания птиц на свободу. Скорее всего, Хлебников приписал индусу обряд, характерный для калмыков и для христианской традиции, когда в праздник Благовещения (25 марта) выпускают птиц из клеток. Контаминированный эпизод из «Есира», вероятно, восходит к пассажиру из книги И.А. Житецкого «Очерки быта астраханских калмыков», где описывается трепетное отношение калмыков к животному миру, когда даже муху, попавшую в суп, было грех убить. Благочестивыми считались те калмыки, которые освобождали рыбу, попавшую в невод, выпускали из клеток птиц» [6, с. 309-310].

Данный фрагмент повести отражает натурфилософские взгляды Хлебникова, играет важную смыслообразующую роль; он возвращает нас к главной теме повести. Индус дарит свободу лебедю, сохраняет ему жизнь. Но Истома не понимает этого, он возражает индусу: «Это что – лебедя освободить! Нет, ты дай свободу всему народу» [1, с. 191]. Возмущение Истома расширяет границы представления о свободе. Истома говорит о человеческих судьбах, которые также ищут пути освобождения, видят в этой свободе свое спасение. Лаконичный ответ индуса: «Ты увидишь мою родину» [1, с. 191] оказывается пророческим. После этой встречи и обмена мнением судьба астраханского рыбака Истома круто изменится. Он попадет в

плен к киргизам. Так начнется его путь поиска самого себя, поиска истины.

Родина индуса – Индия – кастовое государство, где с древнейших времен сложилась сложнейшая многослойная система, выстроившая строгий порядок чередования и соотношения разных социальных групп. Может быть, поэтому выражение «свобода всего народа» заставила задуматься индуса и мыслями отправиться в то место, где «далекий гуру (учитель) из Индии руководит его разумом здесь» [1, с. 191]. Его религия учила другой свободе, внутренней, с которой решил познакомиться в период своих странствий по Востоку рыбак Истома.

Описания быта калмыков, захвативших в плен Истому, помогают поэту вспомнить Золотую Орду, Чингизхана. Для старого калмыка, почитающего божественного Чингиза богдохана, Великий до сих пор оставался «беспечным богом войны, надевшим как-то раз на плечи одеяние человеческой судьбы. Любимец степной песни, он и до сих пор живет в степи, и слова славы ему сливаются со степным ветром» [1, с. 193].

Очердная историческая аллюзия помогает писателю раздвинуть временные границы повествования, поэт следует своей философской концепции истории. Совмещая различных деятелей разных эпох на одной исторической оси, поэт стремился преодолеть время. Хлебников пытался найти ответы на вопросы о закономерностях и духовно-нравственном смысле исторического процесса, о путях реализации человеческих сущностных сил в истории, о возможностях обретения общечеловеческого единства.

Прекрасны женские образы, которые поэт создает в своей повести. Так Хлебников описывает красавицу-дочь старого калмыка: «Ее косы, завернутые в шелковые чехлы, падали ей на грудь. Вот она повернула голову, и вся миловидность Китая сказалась на темном лице; сквозь черный загар выступала степная алая кровь, живые глаза сверкали, как два черных месяца, умом и радостью. Малиновая, шитая золотом, шапочка была у ней на голове.

Она помнила, что девушка должна быть чистой, как рыба чешуя, и тихой, как степной дым, и бесшумно села на землю в своих черных шароварах» [1, с. 193]. При этом поэт описывает и жестокость кочевого народа: «Степной неук бежал легкой рысью. Истома со связанными руками бежал сзади. От час-

тых, похожих на песню беса, ударов хвоста глаза почти ослепли и ничего не видели. Полотно рубашки лопнуло и разорвалось, спустившись на связанные руки и шею. Слепни и оводы, густо усевшись на теле, зеленой сеткой своих жадных зеленых глаз покрывали плечи. Другие тучей вились около. Тело распухло от укусов, жары и зноя. Ноги были в запекшейся крови. От штанов осталась рваная полоса» [1, с. 195].

Истому продают старому горцу, который с жалостью отнесся к пленному русскому: «Старик-горец беседовал с ним и делил с ним свой кусок сыра, лечил его ноги» [1, с. 196]. Но горы Кавказа – это временное пристанище героя, вскоре он примыкает к большому каравану рабов, «где были грузины, шведы, татары, русские, один англичанин. Тогда из русских невольников набиралась личная охрана отборных полков, как китайского богдыхана, так и турецкого султана, и великого могола в Индии» [1, с. 196]. Эта деталь говорит о том, что русские рабы были в цене. Поражает то, как легко во времена восстания Степана Разина человек мог стать невольником, рабом. Отношение к Востоку в этом произведении принимает новый оттенок: это не просто красота экзотичного мира, но и жестокость, опасность для русского и европейца.

В повести появляется еще один интересный женский образ. В одном караване с Истомой оказалась Ядвига (польское женское имя). Поэт стилизует ее речь, которая напоминает украинский говор, возможно, эта девушка была пленницей с Западной Украины: «У ней были длинные золотистые волосы, а в голубых глазах вечно смеялась и дразнила русалка – ресниц голубая русалка.

Для нее между горбами верблюда, похожими на песчаные холмы, покрытые кустами ковыля, был сделан особый шатер. С ног до головы она была одета в белое покрывало» [1, с. 196]. Автор стилизует речь прекрасной пленницы, которая не тяготится своим положением:

«– Як на море! Совсем як на море! – восклицала она иногда и высовывала из шатра ручку.

Иногда она расспрашивала про пашу: «Вин какой? Чи он седой? Чи он грозный? И задумывалась» [1, с. 196].

Фольклорный элемент у Хлебникова переплетается с целой сетью литературных, исторических аллюзий, обращения к языче-

ским образам вызывает множество новых ассоциаций: «Думает ли она о празднике Ярилы или о празднике весенней Ляли? Но вот большая бабочка, увлекаемая ветром, ударила ей о щеку, и ей кажется, что это она стучится в окошко родимого дома, бьет-ся о морщинистое лицо матери.

– Вот такой же бабочкой прилечу и я, – шепчет она» [1, с. 196].

Но это мимолетное движение мысли не меняет бездумное ожидание «синеглазой, златоволосой» красавицей встречи с будущим покровителем, которая может обернуться счастьем, а может и тяжелым, страшным испытанием.

Мифопоэтический образ бабочки – символ души, бессмертия, возрождения и воскресения, способности к превращениям, т. к. это крылатое небесное существо появляется на свет, преображаясь из гусеницы. В народе зачастую говорят о бабочке как о душе умершего или предвестнице смерти, а иногда и образе смерти. В данном эпизоде функция образа бабочки очевидна и ассоциируется скорее всего с природным явлением ночной бабочки, летящей на огонь, навстречу своей гибели. Кстати, бездумно, как и Ядвига, идет по своей дороге пленный Истома, только он наделен способностью наблюдать, впитывать опыт пережитого, увиденного.

Простой естественный образ растительной жизни сменяет чрезвычайно насыщенный период в судьбе героя. Его глазами увиденна жизнь другого мира – Востока с его природой, людьми, с их философией жизни. Его подкупает спокойная мудрость сикха Кунби, научившего выдержке в минуту смертельной опасности, умению спать на ветках деревьев рядом с обезьянами, понимать муравейник, сложенный из сосновых игл. В результате Истома однажды сказал учителю: «Я тоже сикх» [1, с. 197]. Приняв философию жизни восточного человека и образ его поведения, молодой рыбак становится свидетелем величественных и страшных картин заживо похоронивших себя отшельников, давших обет не шевелиться, одержимых одним желанием «уйти из области людей и всюду вытравить свой след, чтобы ни люди, ни боги не сумели его найти» [1, с. 198].

Истома видит «воздушные храмы, висевшие ласточкой над грозной пропастью» [1, с. 198]. Вместе с героем автор восхищается талантом и трудом человека, сумевшего

возвести культовое здание «на недоступном утесе» [1, с. 198]. Тихое удивление вызывают и подземные пещеры, «вырубленные в глубине каменной первобытной породы», а также «пышно одетые кумиры, вытесанные из камня», которые «толпой теснились вдоль стен», улыбкой встречая «путника по подземному храму» [1, с. 197-198]. Человек и природа здесь запечатлены как нерасторжимое единство, устремленное и к небу, и вглубь земли. Автора поражает мирное сожителство людей ортодоксальной веры и язычников, людей, не знавших храмов, «потому что лучшая книга – белые страницы – книга природы, среди облаков, а путь рождение – смерть – лучшая молитва» [1, с. 199]. Смещение вер и убеждений, казалось бы, взаимоисключающие линии поведения людей, не вызывают гонений, стремление повелевать иному, инакомыслящему. Идеальная модель такого мироустройства объясняется, по мысли автора, учением браминов, общепринятой идеей, «что все суета, все обман», что все, увиденное глазом или услышанное ухом, – «все это мировой призрак, Майя, а мировую истину не дано ни увидеть смертными глазами, ни услышать смертным слухом. Она – мировая душа, Брахма» [1, с. 200].

Конец повести не развязывает событийные узлы, не завершает сюжет. Идея непознаваемости истины потрясла Истома, но отчаяние было сглажено красотой, открывшейся его глазам, когда он увидел неожиданно взлетевшего на вершину храма павлина: «поток малых и больших глаз, небом звезд» сиял хвост царственно красивой птицы. Эта выюга «седых морозных звезд, холодных глаз» казалась Истоме «собранием глаз великих и малых богов этой страны» [1, с. 200]. Так утверждал автор идею равновесия в сложном, противоречивом мире, где определяющим началом должна быть красота мира природы.

Бесславный, казалось бы, конец исканий смысла жизни, поиска истины, завершившийся возвращением героя домой, на круги своя – важный жанровый признак повести – позволил Хлебникову существенно раздвинуть пространственно-временные границы повествования, поднять очень важные проблемы, актуальные в период вступления России на новый путь социально-политического развития. Своим интересом и обращением к самобытному миру Востока писатель предвосхитил многие вопросы философского,

морально-этического, религиозного и этнокультурного планов, раскрыл свое понимание евразийства, сторонники которого видели Россию как «Евразию», как синтез Европы и Азии, как некий «третий мир», наделенный чертами, свойственными особому культурному типу. Не обойдя вниманием негативные явления в укладе жизни как соотечественников, так и людей Востока, В. Хлебников противопоставил им как некий идеал склонность людей разных национальных культур к общежитию, торжество над всеми религиями и философскими учениями совершенства в мире природы, ее первозданной красоты.

1. *Хлебников В.* Собр. соч.: в 6 т. Т. 5. Стихотворения в прозе. Рассказы, повести, очерки. Сверхповести / под общ. ред. Р.В. Дуганова. М., 2002.
2. *Дуганов Р.В.* Велимир Хлебников. Природа творчества. М., 1990.
3. *Исаев Г.Г.* Мечеть и храм несет низина. Астрахань, 1999.
4. *Кацер Ж.* Опыт толерантности в российско-индийских отношениях XVII–XIX вв. URL: <http://www.religio.ru/relisoc/151.html> (дата обращения: 17.01.2014).

5. *Святополк-Мирский Д. П.* Хлебников // Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования. 1911–1998. М., 2000. С. 224–226.
6. *Парнис А.Е.* «Евразийские» контексты В. Хлебникова: от «калмыцкого мифа» к мифу о «единой Азии» // Евразийское пространство: звук, слово, образ / под ред. Вяч.Вс. Иванова. М., 2003. С. 299–345.

1. *Khlebnikov V.* Sobr. soch.: v 6 t. T. 5. Stikhotvoreniya v proze. Rasskazy, povesti, ocherki. Sverkhповести / pod obshch. red. R.V. Duganova. M., 2002.
2. *Duganov R.V.* Velimir Khlebnikov. Priroda tvorchestva. M., 1990.
3. *Isaev G.G.* Mechet' i khram neset nizina. Astrakhan', 1999.
4. *Katser Zh.* Opyt tolerantnosti v rossiysko-indiyskikh otnosheniyakh XVII–XIX vv. URL: <http://www.religio.ru/relisoc/151.html> (data obrashcheniya: 17.01.2014).
5. *Svyatopolk-Mirskiy D. P.* Khlebnikov // Mir Velimira Khlebnikova: Stat'i. Issledovaniya. 1911–1998. M., 2000. S. 224–226.
6. *Parnis A.E.* “Evraziyskie” konteksty V. Khlebnikova: ot “kalmytskogo mifa” k mifu o “edinoy Azii” // Evraziyskoe prostranstvo: zvuk, slovo, obraz / pod red. Vyach.Vs. Ivanova. M., 2003. S. 299–345.

Поступила в редакцию 27.02.2014 г.

UDC 821.161.1.09”18” [Хлебников]

PHILOSOPHY OF LIFE AND ETHNO-CULTURAL MOTIVES IN STORY “ESIR” BY VELIMIR CHLEBNIKOV
Anastasiya Nickolayevna SIVOPLYASOVA

Saratov State University named after N.G. Chernyshevskiy, Saratov, Russian Federation, Post-graduate Student, Literature and Its Teaching Methods Department, e-mail: anastasya.shvedova@yandex.ru

The ethnic and cultural motifs reflected in a story “Esir” by Velimir Chlebnikov in the context of the author’s religious and philosophical views, where the author took a new perspective on the nature of the Asian outskirts of Russia, Muslim and Buddhist East, is considered. The problem of the story is disclosed: the most important one is the theme of international relations that has remained relevant. The history of humanity, culture and language of the peoples, mythology and folklore become a source of inspiration for Khlebnikov as a writer. That leads to numerous historical allusions that help the writer to push the time and space boundaries of the narration. The paper traces the nature philosophy ideas of the author who was interested in environmental issues, wise managing of the Earth by people, protection of nature and environment; observes the female characters used by the author to accentuate the national diversity of the East and the West. It is noted that the author’s interest in the Eastern world anticipated many questions of the philosophical and political movement of Eurasianism, which regarded Russia as the synthesis of Europe and Asia.

Key words: freedom; slavery; East; Astrakhan; truth; religion.